

Она всё ещё говорила иногда во сне на чужом, непевучем, хриплом языке — колючем и непролазном, как заросли дикого терновника. И лицо её искажалось тревогой и страхом. Тогда Вадим целовал её в губы, пытался разбудить:

— Ну всё, Лен, ну всё — проехали...

Они поженились уже двенадцать медовых месяцев назад, но первозаданная острота счастья не исчезала. Когда Вадим впервые увидел Ленку на студенческой вечеринке, ему показалось, что у него в крови забулькали пузырьки шампанского, и он со

стремительным гусарским нахальством утащил её от подруг, не дав толком опомниться, в морозный парк и там, целуя впервые, понял, что она будет его женой. Он тогда ничего ещё не знал о ней, кроме того, что она невыносима красива: тонка, стройна, вся как будто вылеплена из каррарского мрамора. И цвет волос изумительного оттенка — пшеничное поле на закате. Её серо-зелёные глаза, неуловимо меняющие цвет и манящие, брали его сердце за краешек и вели за собой. И он шёл за ней: ведь нельзя же оставаться без сердца.

Вадим быстро разузнал, что его любовь живёт с бабушкой и дедом, а о родителях ничего не известно. Говорили, что и сама Ленка появилась в Иркутске недавно, хотя здесь родилась, но потом куда-то надолго уезжала. О своём прошлом никому не рассказывает. А если кто слишком рьяно пристаёт с вопросами, выставляет, как ёж, иголки.

Натыкаться на Ленкины оборонительные шипы Вадим не хотел и ни о чём её не спрашивал. В конце концов, ему не было дела до Ленкиного прошлого. Он хотел быть её настоящим и в смелых мечтах — творцом их совместного будущего. Тайна приоткрылась, когда уже был намечен день свадьбы, и Ленка переехала к Вадиму в его небольшую квартирку на окраине города со спортивной сумкой, куда уместились почти все её вещи. Тогда Вадим и поинтересовался, как-бы между прочим, придут ли на бракосочетание его будущие теща и тёща.

— Это вряд ли, — сказала Ленка. — С отцом мы не виделись лет пятнад-

цать. Где он — не знаю. А мать уже давно за границей, у неё там своя жизнь.

— В какой стране?

— В Дании. В королевстве кривых зеркал и страшных сказок.

— Почему страшных?

— Там других быть не может. Андерсена читал? Перечитай повнимательнее. И желательно — не десяток хрестоматийных, типа «Дюймовочки», а малоизвестные сказки, которые и самого автора, и его родину лучше всего представляют. Ужастики с ухмылкой. Хармс рядом с Андерсеном — первоклассник, хотя и способный ученик.

— Так ты жила в Дании?

— Жила. Пять лет.

— Тебе там, как я понимаю, не очень понравилось?

— Очень не.

— Почему?

— Долго объяснять. Замнём для ясности.

— Ну, давай замнём, если хочешь.

А потом впервые случился «датский ночной кошмар», после которого обет

некурения, выдержанный Вадимом больше полугода, пошёл насмарку. В тот вечер они были в гостях, много шутили и смеялись, потом отправились домой пешком через весь город, тёплый и пьяный, готовящийся уже вот-вот выстрелить новорождённой листвой, и, чтобы ускорить долгожданное лето, они целовались под каждой сиренью, каждой липой. Их молодость была единственной и неповторимой, и вечной — такой же, как и их счастье. Засыпая, Вадим чувствовал щекой Ленкины влажные после душа волосы. Она уютно устроилась у него на плече и, засыпая, беспечно о чём-то щебетала. А ночью он проснулся от её крика. Она билась головой о подушку, говорила на непонятном языке — то быстро, захлёбываясь словами, то медленно — обрывками фраз. Вадим прижимал Ленку к себе, целовал, старался разбудить, но не мог. Приступ окончился так же внезапно, как и начался. Ленка затихла, задышала спокойно, но Вадим больше не мог спать. Выйдя на кухню, он извлёк дрожащими пальцами из шкафа кем-то забытую пачку сигарет, закурил и просидел в сизом едком дыму до рассвета.

Утром он спросил:

— Лен, тебе что сегодня снилось? Ты так странно во сне разговаривала.

Ленка тряхнула отросшей чёлкой, поизучала чайники, всплывшие на поверхность чашки:

— Да ерунда какая-то, даже и не вспомню. А что я говорила?

— Ты не на русском изъяснялась, на тарабарском.

— На датском значит. Не обращаешь внимания. Пережитки прошлого. Всплывает что-то из подсознания.

— Лен, ты ещё кричала во сне. Я, честно говоря, просто выпал в осадок.

Она посерьёзnela, подошла к окну и стала разглядывать разноцветные фрагменты детской площадки во дворе. Наконец, сказала:

— Слушай, я думала, что это прошло навсегда. Ну, после того, как я к тебе переехала. Дед с бабушкой тоже натерпелись. Когда я только вернулась в Россию, почти каждую ночь кричала. Но я сама этого не фиксирую никак, даже не могу утром вспомнить, где я была во сне.

— По-моему, в каком-то аду. И язык этот датский какой-то гавкающий, неприятный.

— Да уж, красивым и мелодичным его не назовёшь.

— Лен, может быть, ты когда-нибудь расскажешь мне... о том времени?

— Там времени не было, Вадим. И меня там не было. Был кто-то другой. Может быть — только моя тень?

***

В день их с мамой отъезда из России было солнечно и морозно. Снег скрипел под ногами, как под всадником тугое седло, когда они вчетвером — мама, Ленка, бабушка и дед — шагали с сумками и чемоданами к автобусной остановке. С самого утра на Ленку накатило странное оцепенение — всё казалось ей нере-

альным. И их с мамой комната, где Ленка прожила свои неполные тринадцать лет, ставшая вдруг чужой и холодной без уютного беспорядка и привычных милых мелочей, и торопливый завтрак, за которым никто не проронил ни слова. Бабушка с дедом сидели за столом, как две нахохлившиеся птицы, а мама напоминала древнегреческую статую — отстранённо безмолвную, но преисполненную высокой миссией. Всё это могло быть только дурным сном, как и сам предстоящий отъезд. Реальностью был вчерашний, последний в России школьный день — с безупречной тишиной на уроках и бурлящими, как шумная речка, переменами, которые всегда что-то приносили в своём потоке — то новую затею, то ошеломляющую новость, то желанный взгляд. Уже полгода Ленка была влюблена в одного семиклассника, но не делилась этой тайной даже со своей лучшей подругой Танькой. Просто старалась, будто невзначай, оказаться на переменах рядом с ним. Глаза у мальчика были шальные, обжигающие — именно такие, за которыми, к своему изумлению, Ленка могла бы пойти хоть на край света. Но пока доходила только до ограды школьного двора, да и то под недовольное бурчание Таньки, которая вместо прогулок предпочитала отправиться в буфет и купить пирожное. Танька была безнадёжной сладёной, и у Ленки всегда была припасена для таких случаев шоколадка. С Танькой они сидели вместе за одной партой с пер-

вого класса и были, что называется, не разлей вода. Вода бы и не разлила. Разделил этот неожиданный отъезд — неизвестно куда и неизвестно зачем.

Когда мама объявила, что они уезжают из «этой дыры» в чудесную страну Данию к новому папе, Ленка решила, что это очередная мамина фантазия. Несколько лет назад мама вот так же неожиданно собралась скоропалительно перебраться в Москву к новому знакомому — залётному командировочному, который приезжал в Иркутск на неделю налаживать какое-то новое производство. Мама уверяла, что это судьба и любовь всей её жизни. Она была убеждена, что москвич обеспечит им с Ленкой достойное существование в столице, и долго не могла понять, почему новоиспечённый жених, умчавшись на казённой машине в сторону аэропорта, никогда ей больше не позвонил. Шестилетняя Ленка в отличие от мамы сразу разобралась, что никакая это не судьба, а просто глупая игра, в которую чужой дядя поиграл с её слишком доверчивой мамой, а игру не стоит путать с реальностью.

Вот и идею отъезда в Данию Ленка тоже поначалу не восприняла всерьёз. Но мама объяснила ей, что настали новые времена, и теперь можно заочно, по интернету, познакомиться с хорошим мужчиной из другой страны, имеющим серьёзные намерения. Оказалось, что летом, пока Ленка жила на даче с бабушкой и дедом, к маме уже приезжал «очень хороший человек» из Дании по име-

ни Сэмми, и мама имела возможность убедиться в его порядочности и искреннем желании создать семью. Сэмми уже оформил им с Ленкой приглашение и даже выслал деньги на билет.

Мама бегала на курсы английского языка и восторженно говорила дочерям:

— Только представь, ему писали сотни женщин из России, а выбрал он именно нас.

— Между прочим, меня он не выбирал, — сопротивлялась Ленка, — со мной он даже не встречался.

— Я ему много писала и рассказывала о тебе. Он видел твои фотографии, этого пока достаточно. Вы познакомьтесь и подружитесь в Дании, — уверяла мама.

Возможно, Ленке надо было тогда устроить бунт на корабле, впасть в истерику, сказать своё твёрдое нет, и всё повернулось бы иначе — разве смогла бы мама уехать без неё? Но Ленка не нашла в себе сил сопротивляться происходящему и противостоять маминей непререкаемой решимости сжечь все мосты за спиной. «Наконец-то и на нашей улице праздник!» — повторяла мама в разговорах со своими обескураженными подругами. Многие им тогда завидовали. Вот только бабушка уже накануне отъезда подлила ложку дёгтя в бочку с мёдом:

— Ох, смотри, как бы заморский принц не оказался свинопасом. Да и вообще, кому когда на чужбине хорошо было?

— А ты не каркай, лучше порадуйся за свою внучку — ответила мама раздражённо, — в Европе будет жить, всё лучше, чем на немытой родине!

— Ну Европа Европе рознь, — вздохнула бабушка. — Этот твой Сэмми — явно не из миллионеров.

— Не важно, там и простые ребята живут неплохо, не чета нашим, — парировала мама, — а у Сэмми вообще свой собственный бизнес.

— Вот только не понятно, какой, — не унималась бабушка.

— Ничего, на месте разберёмся, — оптимистично резюмировала мама.

Уже перед самым зевом автобуса, готовым вот-вот закрыться со всеми наспех заглоченными пассажирами, Ленка не выдержала, обняла бабушку, уткнулась носом в пуговицу её старенького пальто и не хотела отпустить. Бабушка была неотъемлемой частью Ленкиного детства, её уютной и защищённой жизни, которая вдруг зазвучала тоскливо и обречённо, как оборвавшаяся струна. Ленка с пронзительной остротой осознала, что весь её родной, привычный и прекрасный мир вот сейчас, на этой выстуженной остановке, разбивается вдребезги. И бабушка — печальная, постаревшая — теперь лишь одинокий осколок, обломок этого потерянного мира. И другие близкие люди, любимые места, дорогие воспоминания — никогда уже не сложатся в одно целое. Навсегда становились прошлым и школьный двор с раскидистой лилово-дымчатой сиренью,

которая грядущей весной впервые зацветёт без Ленки, и Танька, отныне обречённая одна отыскивать в сиреневых зарослях шестилепестковые цветочки на счастье, и Ленкина школьная любовь, которая навсегда переходит в область тайных воспоминаний, и Байкал, где Ленка так любила зимой кататься на коньках — скользить часами до блаженного изнеможения по кристально чистому льду, и сибирское солнце — величественное и щедрое, такое же единственное на свете, как и Байкал, и бабушка, и дед, и Танька, и Ленкино внезапно закончившееся детство. Дедушка с суровым лицом-маской неуклюже потрепал Ленку по щеке и отвернулся, чтобы она не видела его слёз.

Водитель автобуса недовольно проворчал:

— Всё, отъезжаем, поторопитесь!

Бабушка вздохнула, перекрестила Ленку и маму:

— Ладно, девочки мои, даст Бог всё устроится, всё будет хорошо. Вы только как доберётесь, сразу нам позвоните — хотя бы на минутку, Сэмми ведь разрешит? И пишите нам почаше. Может быть, и мы к вам как-нибудь в гости соберёмся.

Когда автобус тронулся, Ленка пробралась в самый его конец, прижалась лбом к мутному стеклу. Дед и бабушка долго смотрели им вслед, стремительно уменьшаясь: две веточки на белой дороге, две точки. Потом и точки эти исчезли, и только тогда Ленка безудержно разрыдалась.

...

В датском аэропорту мама и Ленка долго стояли в суетливом улье прибывших и встречающих. Наконец, к ним протиснулся полноватый, неряшливо одетый мужчина с лысиной, мясистыми губами и серыми глазами навывкате. От него резко пахло потом и табаком, и Ленку, уставшую от долгого перелёта и едва стоявшую на ногах, сразу затоснило. Датчанин напомнил ей сома — они как раз недавно изучали в школе разные виды рыб. Сразу вспомнилось: «Сом — рыба-хищник с большой головой и пастью, оснащённой щётками мелких, но острых зубов. Сом выходит на охоту ночью, днём предпочитает отлёживаться в укрытии. Известны случаи нападения сомов на людей. Средний вес взрослого сома достигает 80–100 кг». «Не Сэмми, а Сом» — заключила Ленка, когда датчанин протянул для приветствия руку, и ей показалось, что она дотронулась до скользкого плавника. Потом они долго ехали с сумками и чемоданами в поезде, после чего пересели на автобус. Наконец, высадились на пустынной остановке и долго шли вдоль поля к невзрачным трёхэтажным домикам с маленькими окошками без балконов. Всё это выглядело каким-то сереньким и унылым и никак не вязалось с Ленкиными представлениями о роскошной европейской жизни. Мамино лицо тоже застыло в недоумении, когда Сом ввёл их в небольшую квартирку, пропахшую пивными испарениями и си-

гаретным дымом. Датский жених тут же извлёк из-под стола ящик с пивом, выхватил из него бутылку, ловко откупорил и с жадностью припал к горлышку. По Ленкиным понятиям обстановка в доме была попросту бедной. В так называемой гостиной стояли лишь старая продавленная софа, грубый деревянный стол без скатерти, весь в пятнах и царапинах, несколько стульев да некое подобие книжного шкафа, где вместо книг на полках лежали старые газеты. Над столом сиротливо висела лампа с бумажным абажуром. Но больше всего Ленку удивило отсутствие в квартире ванной. Имелось только крошечное туалетное помещение, где сбоку от унитаза был прицеплен душевой шланг. Комната, предназначавшаяся для Ленки, напоминала узкий пенал, в который с трудом протиснулся диванчик, письменный стол и стул.

— Мапочка, мы ведь здесь не остаемся, уедем обратно? — взмолилась Ленка.

— Подожди, ну надо же осмотреться, понять, что к чему, — ответила мама преувеличенно бодрым голосом, хотя было видно, что ей тоже не по себе.

Первый датский вечер тянулся для Ленки невыносимо медленно. Она вынула из чемодана и разложила на столе свои любимые книги, посадила на диван маленького плюшевого медвежонка, любимого с детства и взятого в качестве талисмана. Из-за стены доносились фразы на английском языке, которые Ленка не пони-

мала, но слышала, что голос у мамы неестественный, напряжённый. Каждой клеткой Ленка чувствовала, что ничего хорошего их приезд сюда не предвещает. Она хотела преодолеть свой страх перед Сомом, войти в соседнюю комнату, взять маму за руку и вывести поскорее из этого чужого, неопрятного дома, из нелепого недоразумения, которое с ними случилось, из этой глупой, затянувшейся игры, рискующей перерасти в беду. Сдерживало Ленку только то, что она плохо представляла, куда они с мамой пойдут на ночь глядя — одни в чужой стране? Ленка незаметно выскользнула из квартиры и зашагала куда глаза глядят по незнакомому пространству — холодному, бессолнечному и бесснежному, продуваемому резким колючим ветром. На улицах было пустынно, лишь один раз мимо прошла компания местных подростков, обстреляв Ленку чужой речью и громким гоготанием, да промелькнула восточная женщина, с ног до головы закутанная в чёрный балахон.

Уже позже, когда они с мамой сидели на крохотной Сомовьей кухне и ели незамысловатый ужин, Ленка попросила:

— Давай позвоним бабушке и деду, мы ведь обещали! Они же там волнуются.

Мама погладила Ленку по голове и сказала:

— Пока не можем, Леночка, Сэмми сказал, что это очень дорого. Вот ког-

да я начну работать, мы будем часто звонить в Иркутск, я тебе обещаю.

Так началась для Ленки датская жизнь. Она замкнулась в себя, как улитка в раковине — часами сидела в своей комнате и читала русские книги или бродила по улицам одна, без всякой цели. С мамой они разговаривали мало — Сом сразу же полностью завладел её вниманием, к Ленке же относился как к малоприятному, но неизбежному побочному явлению новой семейной жизни. Общение между Ленкой и Сомом сводилось к самому поверхностному минимуму, что Ленку полностью устраивало.

Через месяц состоялась скромная свадьба мамы с Сомом. Мама с печальными глазами и накладной улыбкой отправилась в местную городскую ратушу под руку с одутловатым женихом, одетым в помятый серый костюм. После быстрой церемонии супруги вернулись домой, и жизнь потекла дальше всё в том же узком бытовом русле — скучная и бесцветная. А потом произошло немыслимое: Ленкина интеллигентная мама с безупречными манерами и высшим экономическим образованием, много лет проработавшая в Иркутске главным бухгалтером на большом предприятии, вдруг устроилась на работу уборщицей в дом престарелых.

— Это временные трудности, ничего страшного, — как будто оправдывалась мама, — мы, русские женщины, и не такое можем вынести! Вдобавок уборщица в Дании — это

не то, что в России. Здесь и грязи-то особой нет. И вообще в Европе — любой труд в чести, будь ты хоть профессор, хоть санитарка.

Мама, правда, попросила Ленку не рассказывать о её новой работе бабушке и деду, когда удастся, наконец, позвонить в Иркутск:

— Дед с бабушкой у нас люди старомодные, могут этого не понять, не будем их волновать.

Ленке мамыны рассуждения показались очень странными, ведь с раннего детства она слышала, как важно хорошо учиться и получить высшее образование, чтобы занять достойное место в обществе, а не скатиться к его низам — к тем самым уборщицам, о которых теперь с пиететом заговорила мама.

Весной Ленку отправили в школу — в шестой класс, где ей предстояло выучить датский язык методом интенсивного погружения в местную среду. Как ни странно, Ленка этому даже обрадовалась — лишь бы находиться подальше от Сомы. Датский язык показался ей довольно трудным — особенно не давалось произношение, и одноклассники её часто передразнивали. Но, как известно, детский мозг впитывает чужой язык, как губка, и уже скоро Ленка начала сносно объясняться по-датски и догонять школьную программу. Тут её поджидал очередной сюрприз. Оказалось, что математика в датском шестом классе была на уровне четвёртого-пятого класса в российской школе, и Ленка неожиданно ста-

ла по этому предмету лучшей в классе. Домашних заданий ученикам не задавали, главный упор делался не на приобретение знаний, а на социальное общение — так называемую «уютность» в стенах школы — по-датски «hygge». Это самое «hygge» было для датчан важнее всего на свете: если «не уютно», «не хьюгелит», значит, плохо. Постепенно Ленка догадалась, что датская «уютность» — это создание видимости бесконфликтного общения, внешнее соблюдение приличий, а кто что чувствует на самом деле — не важно. Поначалу Ленка пыталась строить в датской школе «русские отношения» — искренние и доверительные, но наткнулась на глухую стену. Каждый был сам за себя и сам по себе. Познакомилась Ленка и с так называемой датской Библией общения — «Янтелов», суть которой сводилась к следующему: не высывайся и не забывай, что ты ничего из себя не представляешь. Все были причислены под одну гребёнку и подчинялись неписаным правилам общения друг с другом: ничего лишнего, ничего личного. Близких дружб в классе не возникало, после уроков все спешили разойтись по своим домам и делам. Ленка очень скучала по иркутской школе, где она чувствовала себя, как рыба в воде. Там, на уроках, в переглядках с подружкой Танькой, а особенно на переменах, где каждая минута шла за три — пульсировала настоящая жизнь. Вибрация воздуха была иной, краски и запахи ярче, чувства острее.

Как сильно тосковала она по Таньке! Танька, Танька — первая и самая лучшая подруга, горькая, невосполнимая потеря. Сколько бесконечных километров прошли они вместе по школьным коридорам за пять с половиной лет, сколько секретов и тайн доверили друг другу. Теперь Ленка не могла даже позвонить подруге, услышать её голос, расспросить о жизни в Иркутске. «Слишком дорого» — этот рефрен надолго вошёл в их с мамой датскую жизнь.

Разумеется, Сом оказался никаким не бизнесменом — Ленкина бабушка как в воду глядела — а обыкновенным безработным. Справедливости ради надо отметить, что за год до знакомства с Ленкиной мамой Сом действительно попытался наладить собственный бизнес и стать уличным продавцом датских хот-догов. По этому случаю он одолжил у приятеля старый ларёк на колёсах, но прыти и предприимчивости Сому не хватило. Бизнес быстро зачах, и Сом снова улёгся на диван пропивать и прокуривать пособие по безработице. Лень и апатия полностью завладели им, так же, как пыль — его квартирой. Перевалив за сорокалетний рубеж, Сом почувствовал, что жизнь категорически не додала ему всё обещанное в юности, и в порыве хоть что-то изменить в своей незадавшейся судьбе решился на крайний шаг — женитьбу на иностранке, так как требовательные датские подружки давно исчезли с померкшего горизонта. Проще всего было взять в жёны филиппинку,

таиландку или русскую — эти страны активно пополняли рынок непритязательных невест, рвущихся к европейским женихам. Сом долго взвешивал, раздумывал, советовался с приятелями. Остановился на варианте русской жены — всё-таки тоже Европа, хотя и Восточная. А то где эти Филиппины и Таиланд, и что там за женщины? С виду тихи и покорны, но это всё равно, что жениться на инопланетянке. С русской, как казалось Сому, проще будет найти общий язык. В результате скрупулёзного отбора круг поисков сузился до трёх потенциальных кандидаток облагородить неприбранное жилище Сомы и создать там семейный уют. Одна из невест проживала в Санкт-Петербурге, другая в Петрозаводске, третья — Ленкина мама — в Иркутске. Понимая, что женитьба — проект дорогостоящий, Сом решился одолжить немалую сумму всё у того же приятеля с ларьком (адвокат подстраховал их многолетнюю дружбу соответствующим документом) и отправился в матримониальный вояж по простиравшей к нему руки России.

Выбрав из троих милovidных, интеллигентных и безнадежно-незамужних российских женщин Ленкину маму, Сом ощутил новое сладостное чувство вершителя чужих судеб. Войдя в образ благородного датского принца на белом коне, Сом настолько забылся, что опрометчиво превысил все финансовые лимиты, пригласив Ленкину маму в Иркутске в ресторан и подарив ей в залог искренности

своих намерений небольшое золотое колечко. В конце концов, дело было сделано: невеста прибыла в Данию, свадьба состоялась, эйфория схлынула, а долги нужно было возвращать. От романтики не осталось и следа. Сом постоянно твердил о необходимости экономить. Каждый день после работы мама обегала все окрестные магазины, вылавливая скидки на продукты и отдавала Сому чеки для проверки. Мороженое и конфеты стали в доме редкостью, но в пиве и сигаретах Сом себе, разумеется, не отказывал. Курил и потягивал пиво он двадцать четыре часа в сутки, при этом постоянно валялся на диване и ничего не делал.

Единственный пьющий человек, которого Ленка знала в Иркутске, был слесарь Анатолий — его периодически вызывали что-то починить. От него частенько пахло спиртным, да и вид у него был помятый, неопрятный. Анатолий казался Ленке человеком опустившимся, неблагополучным. При этом бабушка не раз говорила, что у Анатолия золотые руки, и если бы не водка — жил бы припеваючи. Анатолий всегда с восхищением поглядывал на Ленкину маму, но никому бы и в голову не могло прийти, что мама вдруг выйдет замуж за слесаря. И вот теперь мама связала свою жизнь с человеком ещё более низкого пошиба — не только пьющим, но и безработным, да к тому же не умеющим, что называется, гвоздя в стену забить. Получа-

лось, что мама вышла замуж за Сому только потому, что он был датчанином? Эта ситуация казалась Ленке унижительной и постыдной. С каждым днём отчим вызывал у неё всё большее отвращение. После школы она старалась быстрее уйти в свою комнату, чтобы не попадаться лишним раз ему на глаза и не вступать с ним в неловкий разговор. Сом постоянно придиричиво отчитывал маму то за одно, то за другое, повышал на неё голос. Приходя домой из школы, Ленка нередко заставляла маму плачущей. Тоска стояла в маминых глазах, когда вечерами она сидела вместе с Сомом на диване в клочьях сигаретного дыма, и на её плече по-хозяйски покоилась тяжёлая Сомовья длань.

Ленка удивлялась, как Сом не видел маминого истинного отношения к нему? Ведь всё было предельно ясно, хотя мама и избегала говорить с Ленкой о своих чувствах. Возможно, Сом просто не волновали такие мелочи, как подавленное настроение жены. Возможно, тоску в её глазах он списывал на свойства загадочной русской души, которую западному человеку не понять? Главное, что квартира содержалась в образцовом порядке, одежда стиралась, еда готовилась, и в дом приносились деньги: работа в доме престарелых оплачивалась неплохо.

Раз в месяц Сом милостиво позволял маме и Ленке позвонить в Иркутск. Правда, стоял у них за спиной, нервно следя за секундной стрелкой часов и делая жесты, что пора закан-

чивать. Разумеется, бабушке и деду мама не сообщала всей правды об их с Ленкой датской жизни. Говорила лишь бодрой скороговоркой, что у них всё нормально — потихоньку приживаются на новом месте и надеются скоро приехать в гости в Иркутск. На самом деле о поездке в Россию запрещено было даже мечтать. Сом постоянно твердил жене и падчерице, что надо быстрее освоиться в датском обществе и забыть о тяжёлой, несчастливой российской жизни, из которой он их великодушно вызволил, отворив двери в европейскую сказку. Ленке подобные разглагольствования Сомы были ненавистны. Много раз ей хотелось крикнуть ему в лицо — нет, не в лицо, а в водянистую Сомовью физиономию — что там, в России, в Иркутске, где у неё были друзья и любящие бабушка и дед, она была по-настоящему счастлива, а в стране культа посредственностей, где в школе ученики вежливо хамят учителям, а на переменах затягиваются в туалете марихуаной, ей очень плохо. И уж тем более несчастна она здесь, в этой прокуренной халупе, где её мама превратилась в служанку, а она сама ходит на цыпочках, как приживалка.

Но Ленка молчала, потому что не хотела сделать мамину жизнь совсем невыносимой. И всё-таки однажды не выдержала, сорвалась, услышав, как Сом грубо отчитывал маму за то, что та купила с зарплаты себе и Ленке новую обувь:

— Мама, уедем отсюда! Как ты можешь так унижаться? Я больше не

могу так жить, не могу, мамочка, ну пожалуйста, давай уедем домой!

Мама увела её на улицу — мимо проплыла перекошенная Сомовья физиономия с вытаращенными глазами — и они до темноты сидели во дворе на лавочке. Ленка всё время плакала. Мимо спешили люди, не обращая на них никакого внимания, являя собой образец европейского уважения к свободной воле индивида: хочешь — смейся, а хочешь — плачь, твоё личное дело.

Мама гладила Ленку по голове и повторяла:

— Дочка, надо ещё немного потерпеть — ради нашего будущего. Что поделать, за всё в жизни нужно платить. Я общалась здесь с другими русскими женщинами — поверь, многим ещё хуже, чем нам. Одна живёт с психически больным, он её бьёт, ночью выгоняет на улицу. Да, Сэмми идиот, дегенерат, алкаш и скряга, но он хотя бы вменяем, его легко просчитать. И если не совершать ошибок...

— Мама, я тебя совсем не понимаю, — Ленка с отчаяньем смотрела на мать, — зачем нам эта Дания? Здесь всё чужое. Нам здесь плохо. Поедем домой в Иркутск — это же так просто. И снова всё будет хорошо, будем жить все вместе, как раньше.

— И как мы будем там жить? — в мамином голосе промелькнули стальные нотки, — Сидеть на голове у бабушки с дедом? Ты ещё маленькая и не понимаешь, что значит не иметь своего угла. А твоё собственное будущее? Здесь у тебя открываются ев-

ропейские перспективы, а что там? Ничего хорошего Россию не ожидает.

— А что нас ожидает здесь? — Ленка смотрела на мать заплаканными глазами, — я ненавижу этого Сэмми, всей душой ненавижу, я больше не вернусь к нему, лучше останусь жить на улице.

— Леночка, успокойся пожалуйста, — мамин голос опять смягчился, она обняла Ленку, прижала к себе, — Не век нам всё это терпеть. Год уже прошёл, осталось ещё два. Вот получи вид на жительство в Дании, и прощай Сэмми и датское захолустье — сразу же разведусь. Ты даже не представляешь, какие у нас впереди возможности. В Дании одинокие матери как в раю живут. Получим в Копенгагене свою квартиру, у меня будет пособие и разные льготы. Начнётся прекрасная свободная жизнь — буду сама себе хозяйка. Ради этого можно и потерпеть немного, правда же? А там, может быть, судьба мне улыбнется — встречу хорошего мужчину, буду счастлива.

***

После Ленкиного срыва обстановка в доме накалилась ещё больше. Сом заявил, что если подобное хулиганство повторится, ему придётся обратиться за помощью в социальные органы — например, в датскую Коммуну, где знают, как приструнивать агрессивных тинэйджеров. В Дании есть интернаты для трудных подростков и приёмные семьи, умеющие заниматься воспитанием детей с психическими отклонени-

ями, и если мама не в состоянии сама справляться со своей вздорной и невоспитанной дочерью, выход один — обратиться за помощью к государству. Мама умоляла Ленку не раздражать больше Сому, смириться, затаиться до поры до времени. Ленка же упрашивала отправить её обратно в Иркутск к бабушке и деду, но мама была непреклонна — как она уверяла, ради Ленкиного блага. Ленка старалась проводить в квартире Сомы как можно меньше времени. После школы где-то гуляла, просиживала допоздна в библиотеке, пока от голода не начинала кружиться голова. Тогда она плелась через силу к Сомовьему жилищу, поднималась по лестнице к двери, за которой начинался ад.

Как в тумане прошёл ещё год. И вдруг Ленка стала замечать, что в Соме произошли необъяснимые перемены. Он смягчился, перестал придирается к падчерице по любому поводу и явно старался наладить с ней хорошие отношения. Мама обрадовалась:

— Вот видишь, смирением и терпением можно большего добиться, чем ненавистью, — сказала она Ленке, — смотри-ка, и Сэмми потихоньку оттаял. Представляешь, даже сказал мне, что хотел бы тебя удочерить. Правда, не знаю, будет ли нам от этого какая-нибудь выгода — наследовать-то после него нечего. Квартира и та не его собственная, а муниципальная. Зато датский паспорт получишь сразу — это, конечно, огромный плюс.

— Мама, я не хочу быть дочерью Сэмми, — решительно заявила Ленка, — мне наплевать на датский паспорт.

— И напрасно! — мама покачала головой, — это всё твоя подростковая категоричность. Пока своего ума нет — слушайся меня.

Приступ Сомовьего благорасположения к Ленке продолжался. Она часто ловила на себе его странные взгляды — внимательные, изучающие. От этих взглядов Ленке становилось не по себе, накатывала необъяснимая тревога, но она старалась переключать мысли на другое. Сом расспрашивал Ленку о школе, о планах на будущее и всё время повторял, что они — семья и должны заботиться друг о друге. К большому удивлению Ленки и мамы, Сом стал приглашать их в кино и даже организовал поездку в Копенгаген, в знаменитый старинный парк Тиволи, где катался с Ленкой на аттракционах, а после предложил им с мамой пообедать в кафе. Наконец, Сом расщедрился до такой степени, что начал покупать Ленке новую одежду. В магазинах он с видимым удовольствием выбирал для падчерицы юбочки и блузки, без всякого смущения вваливаясь в примерочную кабинку именно в тот момент, когда Ленка была в одном белье. Ленка заливалась краской, но молчала — ей не хотелось снова испортить отношения с Сомом, к тому же он был для неё существом бесполом, рыбьим, чужим, а потому

безличным и безразличным ей. Она долго не понимала, что оказалась в ловушке.

Однажды вечером всё представило в своём истинном свете. Мама в кои-то веки отправилась на встречу со своей русской приятельницей, и Ленка осталась с Сомом одна. Тот милостиво приготовил им двоим нехитрый ужин и зачем-то открыл бутылку виски, которую всю сам и опустошил. Ленка уже собиралась уйти из кухни в свою комнату, как Сом вдруг заявил, что хотел бы с ней серьёзно поговорить. Ленка видела, что отчим изрядно пьян, но опять-таки не решилась ему перечить и осталась. Закурив, Сом долго смотрел на Ленку затуманенными глазами, не произнося ни слова. Наконец, вымолвил заплетающимся языком:

— Нам надо поговорить откровенно. Ты уже взрослая девушка, у тебя потрясающая фигура и такая грудь, что можно потерять рассудок. У тебя наверняка уже есть бойфренд, и ты с ним, разумеется, спишь. Это нормально, я это одобряю. Чем раньше ты станешь опытной женщиной, тем лучше. Я могу тебе в этом помочь. Я научу тебя таким вещам, что твой парень будет в полном восторге и никогда тебя не бросит. Но это будет наш маленький секрет — ты меня понимаешь? Твоя мама ни о чём не должна догадываться. Я всё устрою как нужно. Я скажу ей, чтобы пошла работать сиделкой в ночную смену — за это больше платят. Она не осме-

лится послушаться. Кто она без меня? Я только заявлю в Коммуне, что не хочу с ней больше жить — и вы вылетите отсюда обратно в свой вонючий Иркутск. Но я так не сделаю — не сделаю из-за тебя, детка. Я даже не ожидал, что ты будешь для меня так много значить. Ты читала сказку про Гадкого утенка? Это наш сказочник Андерсен написал — ты знаешь, да? Когда ты только сюда приехала, ты не была ещё прекрасным лебедем, о нет. Ты была такой худощавой, угловатой, и ты смотрела на меня волком. Ты думаешь, я этого не замечал? Я много раз хотел вышвырнуть вас обратно в Россию — зачем мне дополнительные проблемы? Но что-то меня останавливало, и теперь я рад, что этого не сделал. Ты стала просто супердевочка. Ты сексуальна вся — с ног до головы. Я всё время в возбуждении, когда вижу тебя. Я на всё готов ради тебя, если ты будешь послушной и сделаешь всё, как я хочу. Ты ничего не потеряешь, крошка. Встречайся с любыми парнями, хоть с сотней парней, я не ревнив и не буду создавать тебе проблемы. Повторяю — ни одна живая душа не узнает о нашей маленькой тайне, я обещаю тебе, я клянусь — ты можешь мне полностью доверять. Я человек слова. Ты веришь мне, моя принцесса?

Ленка смотрела на Сому со страхом и отвращением. У неё бешено колотилось сердце, пересохло во рту, мысли путались, она не могла произнести ни слова. Она понимала, что находится наедине с полубезумным

существом, которому может взбрести в голову всё, что угодно. Что если он не ограничится пьяным бредом, а начнёт распускать руки? Хватит ли у неё сил, чтобы сопротивляться? И что делать дальше? У кого просить помощи и защиты?

— Ну что молчишь, малыыыышка? — промычал Сом, — Я что-то не так сказал? Ты боишься меня? А вот это напрасно. Я твой друг. Я всегда смогу тебя защитить, если понадобится. Посиди у меня на коленях, я тебя не съем. Хочешь я расчесу твои прекрасные волосы? Почему у твоей матери нет таких волос? Ни у кого на свете нет таких волос, как у тебя.

Сом протянул к Ленке потную ладонь, хотел дотронуться до её щеки. Тогда Ленка рванулась к двери, пронзённая ужасом, как разрядом тока, и выбежала на улицу. Но куда было идти? В полицию? Вот только поверят ли ей? А вдруг обвинят в намеренной лжи и обернут дело против неё? Может ли она создавать маме такие проблемы? Мама во сне и наяву грезит постоянным видом на жительство в Дании, и ждать осталось совсем немного — несколько месяцев. Сколько маме уже пришлось вытерпеть на пути к этой цели! И если из-за Ленки Сом подаст на развод и вышлет их обратно в Иркутск — даже страшно подумать, что будет с мамой, она не переживёт такого удара. Значит, нужно делать вид, что ничего не произошло, и никому ничего не рассказывать — тем более

маме. Зачем её мучить? Она ничем не сможет помочь. Она полурабыня Сомы, находящаяся от него в полной зависимости. Хочет Сом — казнит и разводится, хочет — милует и даёт им возможность остаться в Дании. И если Ленка мечтает вернуться в Иркутск, то для мамы стать жительницей Европы — главная цель в жизни. Возможно, Сом утихомирится, одумается и оставит Ленку в покое. Наверное, приступ безумия случился у него из-за виски, ведь обычно он пьёт только пиво. Ленка убеждала сама себя, что всё не так страшно, но недобрые предчувствия сжимали сердце стальной прищепкой.

А через неделю мама сообщила Ленке, что начинает работать в доме престарелых сиделкой в ночную смену. Сом сделал ход конём: разрешил маме половину зарплаты оставлять себе. Ленка безуспешно пыталась её отговорить.

— Ничего, потерплю, недолго осталось — сказала мама, — день свободы не за горами, и деньги — ох как понадобятся после развода.

Когда мама отправилась на ночную работу в первый раз, Ленка вернулась домой после полуночи. Сом уже спал — из соседней комнаты раздавался его храп. Но Ленка долго не могла заснуть, всё время прислушивалась к звукам в квартире, на мгновение проваливалась в сон и снова просыпалась. Она даже положила под подушку перочинный нож, хотя прекрасно понимала, что не сумеет им воспользоваться.

Несколько дней прошли спокойно. После школы Ленка шла в библиотеку, потом сидела в ночном «Макдональдсе» и приходила домой очень поздно. Утром же чуть свет, не втракая, убежала в школу ещё до прихода с работы мамы. Сом никогда не вставал раньше десяти утра.

В ту кошмарную ночь, едва зайдя в квартиру, Ленка сразу поняла, что Сом не спит. Из кухни доносилась визгливая музыка, тянуло сигаретным дымом, Сом вышел в коридор и с ухмылкой уставился на Ленку:

— Ну что, долго ты ещё будешь от меня бегать?

Ленка почувствовала, что оказалась у самого края адской пропасти, и спасения нет, ещё чуть-чуть — и сорвётся вниз.

— Я не бегаю от тебя, просто у меня своя жизнь.

— Пять вечеров подряд? Ну что ж, ладно, если так. Давай тогда сядем и поговорим.

— Я устала и не хочу ни о чём разговаривать.

— Я тоже устал, так что можем поговорить лёжа. Ты где предпочитаешь — в твоей постели или в моей?

— Пожалуйста, держись от меня подальше. Иначе я заявлю на тебя в полицию.

— Тогда будь уверена, я завтра же подам на развод с твоей матерью, и вы быстренько отправитесь обратно в Иркутск. Моя страна, разумеется, поддержит меня, а не вас — мы не любим слишком наглых иностранцев, тем более из неблагополучных стран.

Я не так прост, как ты думаешь. Я не всегда был безработным. У меня есть связи и выход на хороших адвокатов. А что есть у вас? Ничего!

— Чего ты от меня хочешь?

— Ты знаешь, чего я хочу. Если каким-то соплякам можно, то почему мне нельзя? Я оказал тебе и твоей матери неоценимую услугу. Почти три года вас пою-кормлю и даже готов подарить вам Данию и всю Европу. Это, по-твоему, ничего не стоит? Разве я прошу слишком многого? Говорю же тебе, всё останется в тайне.

— Я ещё не была с мужчиной, и не ты будешь первым. Оставь меня в покое!

— А вот это нужно проверить, крошка! С трудом верится, чтобы такую красотку обошло мужское внимание. Я помню, как всё было у нас, когда я сам учился в школе.

— У вас, возможно, и было всё, что угодно, но у меня всё по-другому. Если бы не мама, я никогда бы не уехала из Иркутска.

— Ты врёшь, я тебе не верю. Все русские спят и видят, как бы удрать из вашей страны куда подальше. Жизнь в Европе для вас — предел мечтаний.

— Не для всех, но тебе этого не понять.

— Ты считаешь меня идиотом? Напрасно. Пора усмирить твою гордыню, неблагодарная тварь. Всё равно будет так, как я хочу.

Всё, что случилось после этого, распалось для Ленки на разрозненные фрагменты, которые долго потом

являлись к ней ночными кошмарами. Вот Сом-чудовище приближает рыбью пасть к её лицу («Сом — рыба-хищник с большой головой и пастью, оснащённой щётками мелких, но острых зубов»). Сомовий растопыренный плавник скользит по Ленкиной руке, и у неё темнеет в глазах от отвращения («Сом выходит на охоту ночью, днём предпочитает отлёживаться в укрытии; известны случаи нападения сомов на людей»). Тяжёлая, дурно пахнущая рыбья туша придавила Ленку к полу («Вес взрослого сома достигает 80–100 кг»), она пытается скинуть её с себя, но не может, страшная слабость сковала тело. И вдруг перед Ленкой вспыхивает яркий свет, побеждающий тьму и отчаяние, побуждающий напрячь все силы и не сдаваться. Это солнце её детства — величественное и всемогущее. Солнце берёт Ленку под свою защиту, передаёт ей свою энергию. И вот уже Сомовья туша бьётся склизким хвостом об пол где-то поодаль, а Ленка бежит прочь ночными улицами, бежит, не останавливаясь. Но вскоре тьма опять обволакивает её, спасительное солнце гаснет, превращается в маленькую далёкую точку в холодном бесстрастном Мироздании. У Ленки нет сил бежать, ей трудно дышать, но останавливаться нельзя — рыба-сом вездесуща и не оставит её в покое. Наверняка она устремилась вслед за Ленкой и уже плывёт где-то рядом в чёрном слепом воздухе, чтобы возобновить атаку. Впереди показалась железнодорожная

станция, и Ленка вдруг поняла: вот оно — избавление от всех мучений. Она поднялась на пустынную платформу. В темноте затрепетали огни приближающегося поезда. В них не было живительной силы солнца, но они почему-то манили Ленку к себе, становились всё ярче, всё неумолимее. Как зачарованная двинулась она навстречу поезду, какая-то сила сорвала её с перрона вниз, ударила спиной о рельсы. Оглушённая громким лязгом и скрежетом, Ленка потеряла сознание, провалившись в холодную безогневую черноту.

***

Нет больше ни тьмы, ни солнца, но она, Ленка, где-то есть. Она видит белоснежную занавеску на окнах, потом перед ней проплывает мамино лицо — заплаканное и постаревшее. Маме сказали, что поезд приближался к перрону очень медленно, и машинист успел резко затормозить, в результате — у Ленки травма позвоночника и сотрясение мозга, а могло случиться непоправимое. Ленке кажется, что она лежит неподвижно месяцы и годы, ей трудно собрать мысли в одну точку. Она видит мир расплывчато и отдалённо, как сквозь целлофан. Впрочем, Ленку никто не беспокоит, не заставляет думать и вспоминать. Постепенно к ней возвращается сознание, она заново учится разговаривать. Из Коммуны приходит суетливый человек в очочках с блокнотом в руках, заговаривает с Ленкой вкрадчивым голо-

сом, задаёт вопросы, убеждает быть искренней и заверяет, что хочет ей помочь.

— Лена, мы должны узнать, что произошло в ту ночь? Почему ты это сделала?

— Ничего не произошло. Просто мне стало очень грустно. Я тосковала по России, мне хотелось домой.

— И это всё?

— Это всё.

— Разве тебе было плохо в Дании?

— Я не знаю, я ничего не знаю.

* * *

Сома Ленка больше не видела никогда. На какое-то время её поместили в санаторий для подростков с психологическими проблемами. Там у неё была своя комната, обставленная весёлой детской мебелью, свой письменный стол, компьютер. С ней беседовали психологи, медицинский персонал был предельно вежлив и заботлив, ежедневно ей приносили на подносе горстку разноцветных таблеток. Мама часто навещала Ленку, но они обе избегали говорить о случившемся. Вскоре мама подала документы на развод с Сомом и ожидала от Коммуны социальное жильё. Случившееся с Ленкой ускорило процесс — им быстро дали хорошую квартиру в центре Копенгагена. С работы мама ушла сразу же после того, как вступила в силу сепарация с Сомом, и появилась возможность получать денежное пособие, полагающееся одинокой матери с ребёнком. Однажды мама сообщила Ленке, что познакомилась

на вечеринке с очень приятным датчанином, работающим в солидной фирме, и у них всё серьёзно.

— Теперь я мужчин буду выбирать, — заявила мама и добавила — Вот и дождалась, дочка, отмучились. Теперь и у нас начнётся счастливая жизнь!

Ленка была рада за маму. В конце концов, все их страдания оказались не напрасны. Но сама она оставаться в Дании не собиралась.

В день восемнадцатилетия Ленка купила билет на самолёт в одну сторону: «Копенгаген — Москва — Иркутск». Поняв, что Ленку отговаривать бесполезно, мама собрала посылку для родителей, проводила дочь в аэропорт. В Иркутске Ленку встречали бабушка и дед — постаревшие, но ещё бодрые и энергичные. И, конечно же, Танька — похорошевшая, постройневшая. В аэропорту Ленка обняла их всех троих, не в силах сдерживать слёзы. Никак не могли насмотреться друг на друга, наговориться. А потом уже, в такси, мчавшемся по знакомым улицам, Ленка не могла наглядеться на свой город — словно и не уезжала отсюда никогда. Будто укололась когда-то о веретено злой волшебницы и заснула на долгие шесть лет. Привиделось ей что-то страшное, уродливое, но злые чары развеялись, сонное наваждение закончилось. Тьма исчезла, и снова появилось солнце, которое только в Сибири, на родине, и бывает — особенно весной. Ведь и была весна, и снова зацвела сирень, и Ленка уже знала, что завтра

утром обязательно заглянет в свою школу, постоит на школьном дворе, поговорит с учителями, вспомнит свой бывший класс. А потом начнётся жизнь, в которой, конечно же, будут свои неурядицы и неудачи. И всё-таки это будет её настоящая жизнь. И как же это было хорошо!

* * *

На свадьбе Ленки и Вадима гулял весь институт — и пели, и танцевали, всё было, как положено. И как положено, в назначенный час, белой птицей полетел к гостям букет невесты и попал прямо в руки к ошеломлённой, счастливой Таньке. А ещё через полтора года, когда две подружки сидели на кухне и пили чай, Ленка

вдруг лукаво прищурилась и, положив локти на допотопную клеёнку в цветочек, заговорщически наклонилась к Таньке:

— Ну что, справишься с миссией крёстной мамы?

— Не вопрос, — Танька придала своему лицу самое серьёзное выражение.

— И чует моё сердце, Танька, будет девочка.

— Берём и девчонку. Главное, есть ещё время имя придумать. Есть одно на примете. Может быть, тебе даже понравится.

— Ну? И какое же?

— Вот дурочка недогадливая... Та-неч-ка.